

1620-х годов можно буквально пересчитать по пальцам. Что касается общего массива рифмованных строк, то он довольно значителен, но это достигается, во-первых, благодаря рифмованной прозе,³ во-вторых, за счет полемического трактата князя И. А. Хворостинина (около 1300 стихов). Книжное стихотворство «эпохи начал» не сложилось в систему: в новой школе приходилось начинать с азов, и ранние опыты отмечены печатью случайности.

Два фактора определяют их жанровую специфику. Это — ориентация на поэзию Украины, Белоруссии и Польши, прежде всего на поэтическую практику, а именно на стихотворные тексты в острожских и других изданиях; затем — «давление прозы», т. е. оглядка на традиционные жанры московской литературы. Оба эти фактора могут действовать и порознь, и одновременно. Рассмотрим несколько примеров.

Недавно О. А. Белоброва опубликовала стихотворное предисловие к «Азбуковнику», написанное в 1613 г. Евстратием⁴, — очевидно, тем же Евстратием, которому принадлежит известная «Повесть о некоей брани, належашей на благочестивую Россию».

Единому богу в Троицы,
Славимому в единицы;
Безначальному отцу, без отца, без матери не рожденну,
Сыну начальному <нрзб.>цу, от отца без матери порожденну;
Отцу же и сыновину, духу животворящу,
Богу равнопрестольну, святому всясвятыщу;
Богу в бозе, свету от света,
В простом слове в вечная лета
Воспевание и слава, честь, поклонение,
Величание, держава, благодарение,
Благословившему начати сей Алфовит
и способившему скончати и сословит.

По жанру стихотворение Евстратия не является чем-то новым для русской письменности. Как всякий православный книжник, Евстратий по окончании своего труда высылает молитву богу, прося его благословить этот труд. Такие молитвы — общее место средневековой литературы (они могут предшествовать тексту или же заключать его). Тот же Евстратий присоединил к «Повести о некоей брани» прозаическую молитву, где использовал ту же традиционную фразеологию, что и в стихотворном предисловии: «Слава богу действующему в нас, еже хотети и еже деяти о благоволении вся творити во спасение верных, ему же честь и благодарение со едиnorodным его сыном и пресвятым и животворящим духом...»⁵

Иноземное влияние на предисловие Евстратия столь же очевидно. Автор обозначил свой текст как «серпентикум версус», обнаружив знакомство с одной из разновидностей курьезного стиха. Суть дела в том,

³ См.: А. И. Соболевский. Из истории русской литературы XVII в. — «Библиограф», 1891, №№ 3—4; Л. Н. Майков. О начале русских вирш. — ЖМНП, 1891, июнь; Н. П. Попов. К вопросу о первоначальном появлении вирш в севернорусской письменности. — ИОРЯС, 1917, т. XXII, кн. 2, Пгр., 1918, стр. 259—275; В. П. Адрианова-Перетц. Из начального периода русского стихосложения. — ИОРЯС, 1921, т. XXVI, Пгр., 1923, стр. 271—276.

⁴ О. А. Белоброва. К изучению «Повести о некоей брани» и ее автора Евстратия. — ТОДРА, т. XXV, М.—Л., 1970, стр. 153—154. Несколько иное прочтение текста см. в кн.: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Вступительная статья, подготовка текста и примечания А. М. Панченко. Общая редакция В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1970, стр. 39—40 («Библиотека поэта». Большая серия).

⁵ О. А. Белоброва. К изучению «Повести о некоей брани», стр. 161.